

УДК 341.01

## АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ДОКТРИНЫ СООТНОШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Екатерина Ю. Марухно<sup>a, @, ID</sup>

<sup>a</sup> Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 654066, Россия, г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49

@ [katja-marukhno@yandex.ru](mailto:katja-marukhno@yandex.ru)

<sup>ID</sup> <http://www.researcherid.com/rid/Y-7517-2018>

Поступила в редакцию 03.05.2018. Принята к печати 31.08.2018.

### Ключевые слова:

европейский правовой порядок, европейский суд, интеграция, дуалистическая теория, монистическая теория, теория неомонизма

**Аннотация:** Целью данной статьи является комплексное исследование доктринальных подходов соотношения международного публичного и европейского публичного права, основанных на многоуровневости, нелинейности норм права. Объектом является позитивистская теория соотношения международного публичного и европейского публичного права, а также ее современные варианты, возникшие под влиянием глобализации и интеграционных процессов. Предметом исследования выступают основные положения доктрины международного и европейского права, нормы международного права, решения суда Европейского союза. Особое внимание уделяется мнениям авторитетных российских и зарубежных ученых в области европейского права. Методология данного исследования включает методы системного, сравнительно-правового и логического анализа. Анализируются теоретические основы конкретных способов и условий интеграции норм международного права в европейскую правовую систему с целью их применения компетентными органами государственной власти Европейского союза. Результаты научного исследования могут использоваться в качестве методического материала при изучении международного и европейского права. Основным выводом проведенного исследования является убеждение, что в целом оптимальная теория соотношения международного и европейского права может быть основана на концепции интегративного правопонимания.

**Для цитирования:** Марухно Е. Ю. Альтернативные доктрины соотношения европейского публичного права и международного права // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 76–83.

### Введение

Общеизвестно, что каждое государство вправе самостоятельно выбирать и развивать отношения между своим внутренним законодательством и международным правом. В соответствии с основополагающими принципами международного права государства обязаны исполнять заключенные ими договоры, а также определять их применение законодательными, исполнительными и судебными органами власти. Однако международное право не определяет условия, при которых нормы, исходящие из договоров, должны быть интегрированы в национальное законодательство.

### Основные концепции позитивистской теории

Традиционно позитивистская теория оперирует двумя концепциями, исходящими из конституций или судебной практики государств [1]: дуалистической и монистической [2, с. 630].

Дуалистическая (плюралистическая) доктрина соотношения международного и внутригосударственного права в более «строгой форме» обоснована в 1899 г. немецким ученым Г. Трипелем в труде «*Volkerrecht und Landrecht*» и «гибкой форме» – его сторонниками Д. Анцилотти в «*Cours de droit international*», М. Виралли, Л. Оппенгеймом [1]. Г. Трипель изложил теорию дуализма, провозгласив существование двух равновеликих, но различных, хотя пересекающихся и тесно взаимосвязанных между собой систем.

Сторонники концепции дуализма считают, что между внутренним и международным правом не могут существовать какие-либо конфликты, поскольку эти системы не имеют единого объекта – положения внутреннего права применяются исключительно внутри государства и не могут вмешиваться в международную правовую систему [3, р. 43]. Дуалистическая теория, по мнению

профессора А. Беррамдана, определяет внутреннее и международное право как две отдельные, самостоятельные правовые системы, имеющие общую международную ответственность [4, р. 17].

Анализируя дуалистическую теорию международного права, мы можем сделать следующие выводы:

- международный и национальный правопорядки признаются равными, но полностью независимыми друг от друга, существующими параллельно, при этом нет никакого отношения подчинения между двумя системами [3];

- основы, обладающие обязательной силой положений внутреннего права, представлены в Конституции, в то время как основа для международного права представлена принципом *роста sunt servanda*;

- комплекс правовых мер в обеих системах права может быть реализован только на соответствующем уровне. Так, нормы международного права не могут влиять на внутреннее законодательство и наоборот;

- нормы, включенные в обе системы права, не должны быть параллельными или противоречивыми;

- возможна только конкретная, регламентированная связь между двумя системами права.

Относительно теории дуализма во взаимосвязи и взаимодействии Европейского союза (ЕС) с самостоятельной системой международного права и общеевропейской правовой системы с национальными системами государств-членов ЕС в науке нет однозначного мнения.

По мере становления и развития концепции дуализма в ее рамках возникали различные подходы к решению вопроса о соотношении правопорядков. Теоретики международного права разработали вариацию дуализма под названием «диалектический» или «умеренный» дуализм и успешно применяют ее в своих исследованиях [5, с. 81]. Суть подхода сводится к тому, что международное и внутригосударственное право рассматриваются как различные, но тесно связанные между собой правовые системы, с единственной разницей в том, что «умеренные дуалисты» исходят из принципа паритетности во взаимоотношениях международного и национального правопорядка.

Идея монистической доктрины, наряду с теорией дуализма, возникает к концу XIX в. благодаря немецкому исследователю В. Кауфманну, опубликовавшему труд «Юридическая сила международного права и взаимосвязь законодательной власти и государственных органов». Ученый выдвинул основные принципы теории монизма, которая впоследствии была развита австрийским юристом

и философом Г. Кельзенем: в современном мире нет разных правовых систем в виде международного, национального или наднационального права, а есть единая, «универсальная правовая система», составными частями которой они являются [6, р. 177]. Данная теория предполагает существование единой универсальной системы права, охватывающей правопорядки различных уровней, при которой международное право имеет приоритетное значение по отношению к остальным нормам права, занимая верхушку иерархической нормативной пирамиды, и определяет юридическую действительность остальных правопорядков [7, с. 4].

В рамках общей монистической доктрины, опирающейся на тезис о существовании в современном мире единой «универсальной правовой системы» и единого «глобального правового порядка», по истечении определенного времени с момента появления ее в завершеном виде сложились два ее базовых варианта (разновидности), или концепции [8].

В начале 1970-х гг. международные договоры считались «неотъемлемой частью Европейского Сообщества»<sup>1</sup> и утверждалось, что международное право занимает особое место между первичными и вторичными актами<sup>2</sup>. При этом статус международного права не ограничивался международными соглашениями (включая смешанные соглашения), но также распространялся на иные источники<sup>3</sup>.

По словам ученых, в 1970-х гг. после решения *Van Gend en Loos v. Nederlandse Administratie der Belastingen* и в 90-х гг. XX в. с образованием правовой системы ЕС начинается новый этап теоретической и практической эволюции права [2, с. 630]. Это связано с тем, что ЕС стал системой *sui generis* права с ее собственными дискретными правовыми постулатами, которые отделяют ее от системы международного права. Решения суда ЕС означали монистический характер между правом ЕС и национальными правовыми системами [9].

В рамках данного исследования о соотношении международного и европейского публичного права приведем следующие основные доктринальные исследования.

Профессор Э. Ционгару к вопросу о соотношении международного и европейского права поясняет: «Нормы национального права находятся в той же сфере, что и международное право. Существует субординация между двумя системами в зависимости от прямого действия норм права. Теория монизма устанавливает, что национальное законодательство исходит из международного права. Институционные договоры устанавливают

<sup>1</sup> European Court of Justice (ECJ). Case 181/73. Haegeman v. Belgium. ECR 449, 1974.

<sup>2</sup> ECJ. Case C-179/97. Spain v. Commission. ECR I-1251, 1999; ECJ. Case C-162/96. Racke GmbH & Co. v. Hauptzollamt Mainz. ECR I-3655, para. 45, 1998.

<sup>3</sup> ECJ. Case C-162/96. Racke, supra note 19, para. 45; Court of First Instance. Case T-115/94. Opel Austria GmbH v. Council ECR II-39, 1997.

и требуют соблюдения европейского публичного права от государств-членов. Правовые нормы европейского публичного права должны быть интегрированы в национальное законодательство государств-членов, которые не имеют права выбора между дуализмом и монизмом, монизм является обязательным» [10]. В отличие от международного права, европейское публичное право утверждает «небезразличный характер отношений» между ЕС и национальным законодательством. Правопорядок ЕС постулирует монизм и требует строгого соблюдения европейского публичного права. Монизм обусловлен природой исходящего от государства права. В свою очередь, международное и национальное право являются интегрированными друг в друга и составляют единое целое [5].

Несмотря на общность позиций по основным принципиальным вопросам, взгляды сторонников этой концепции значительно отличаются друг от друга: среди них выделяются сторонники верховенства международного права над национальным и примата национального права над международным.

Также представляется интересным исследование Б. Мариан касательно теории монизма. По мнению ученого, две основные школы – нормативная и социологическая – разделяют данную доктрину. Кроме того, как отмечает румынский автор, особое место в доктрине монизма занимает «школа Европейского Сообщества»: ее сторонники считают, что право ЕС имеет правовое основание, развивается и приобретает самостоятельность, формируя коммунитарное право (European Community Law) [1]. Школа Европейского Сообщества (Европейского Союза) развивает теорию специфического взаимодействия европейского публичного и международного права. Концепция рьяно оспаривается сторонниками международного права. Например, специальный докладчик Комиссии международного права по оговоркам к международным договорам профессор А. Пеле считает, что нет никакой разницы между природой европейского публичного права и международным. Однако идейный противник А. Пеле профессор Д. Саймон утверждает, что законодательство ЕС связано с международным правом и поэтому не может его игнорировать, правопорядок ЕС постепенно отдаляется от международного права [1]. Сторонники данной теории отмечают, что Союз представляет собой новый правопорядок, основанный на автономии ЕС. С течением времени, как только европейское строительство будет углублено, автономия в полной мере будет реализована, прецедентное право инициирует процесс создания конституционной системы ЕС для большего отклонения от международного правопорядка. Закон ЕС постулирует монизм и налагает его соблюдение органам госу-

дарственной власти, только в монизме возможна интеграция. Значит, норма международного права превалирует над внутренним законодательством, являясь обязательной для государств-членов, которые обязаны выполнять ее без особых процедур имплементации.

«Нормативная школа» отстаивает концепцию верховенства международного права над национальным. Первая опубликованная работа, вдохновленная монизмом, появилась в 1899 г. в г. Штутгарте. Она написана В. Кауфманном и основывается на концепции естественного права. Данная теория поддерживает единство правопорядка, впоследствии она была развита сторонниками В. Кауфманна (представителями австрийской школы): нормативистом Г. Кельзенем в трудах «Чистая теория права» (1934) и «Принципы международного права» (1952), А. Фердроссом. Концепция утверждает существование универсальной правовой системы, которая будет преобладать над национальным законодательством различных государств, что предполагает незамедлительное, непосредственное применение права без процедуры имплементации в национальное законодательство государства-участника. В случае конфликта между национальным и международным правом будет применяться международное, а внутренние нормы не могут быть применимы до тех пор, пока международный договор будет в силе. Большинство европейских стран признали международные нормы частью внутренней системы права. Б. Мариан именует данную концепцию «теорией монады», означающей единство международного права и его непосредственное применение в национальном праве.

Теория универсальной правовой системы является достаточно новой. Неонатуралист Ф. Аллот признает, что в большинстве государств фактически нет единства правовой системы, а международное право не обладает высшей силой, – позиция на первый взгляд дуалистическая. Тем не менее тенденции приведения национальных правовых норм к международным и лежат в основе разработки универсальной правовой системы. Теория универсальной правовой системы предполагает такую правовую систему, во главе которой находится международное право, охватывающее правовые нормы всех вовлеченных государств, которые будут существовать благодаря международному праву и в соответствии с ним. Эта теория определенно имеет черты монистического подхода [11].

Следующая концепция – примата национального права над международным – основана на взглядах Г. Гегеля о государстве и праве. Государство, согласно Г. Гегелю, наделено «абсолютной властью на земле», а потому вправе по собственной воле изменять нормы как внутригосударственного, так

и международного права. Международное право должно рассматриваться только как свод правил, которые относятся к внутреннему законодательству как сумма внутренних положений различных государств, посредством которых они регулируют свои внешние отношения [1]. Среди последователей данной теории были представители боннской школы: М. Венцель, А. Зорн, Э. Кауфман. Немецкий геополитик В. Дайц настаивал на «обнулении» государственного суверенитета в пользу так называемого «суверенитета наций», именно национал-социалистические теоретики планировали сформировать новую систему международного права. По мнению советского ученого Р. А. Мюллерсона, подобная концепция ведет к международно-правовому нигилизму. Более того, история демонстрирует трагический опыт радикального осуществления этих взглядов в Германии в XIX – начале XX в., оправдывая фашизм и отказ от общепризнанных норм международного права.

Согласно социологической школе, в основе которой лежит теория Л. Дюги, закон является результатом социальной солидарности. Профессор считал, что социальный акт порождает этику, которая материализуется через юридические нормы. Право, по мнению ученого, вытекает непосредственно из социальной солидарности и поэтому стоит над государством. Юридическая норма возникает спонтанно в условиях общественных взаимосвязей, законодатель констатирует, но не создает ее [1].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что государства-члены имеют возможность сохранить дуалистическую концепцию в отношении международного права, но в отношении взаимодействия ЕС и государств-членов дуализм должен быть устранен. Профессор А. Фуереа справедливо отметил, что европейское публичное право автоматически интегрировано в национальный правовой порядок, и ЕС является на сегодняшний день единственной международной организацией в мире, которой удается применить это [3].

Вызывает интерес и теория неомонизма, разработанная профессором Э. Каннизаро, который теорию монизма назвал реликтом эпохи. Ученый пишет, что идея разработки согласованной и всеохватывающей теоретической модели, способной объяснить все сложности и бесконечные теоретические и практические вопросы, возникающие из проблемных отношений международного и внутригосударственного права, кажется все более и более сомнительной [12]. Основная цель теории – укрепление внутреннего автономного правового порядка ЕС во взаимодействии с международным правом. Профессор рассматривает три ключевых элемента, благодаря которым можно определить новый подход: взаимность, механизм урегулирования споров

и наличие индивидуальных прав физических лиц. Новый подход зародился из прецедентного права ЕС и более реалистично рассматривает степень нормативности международных норм. Неомонизм по своей природе исходит из международного права с его первоначальным содержанием и степенью его эффективности в пределах национальной юрисдикции. Более того, он предоставляет возможность для международного права открыть завесу, разделяющую международный правовой порядок и внутреннее законодательство, и ввести свои нормы непосредственно в отечественный правовой порядок. Уважение и поощрение международного права является одним из основных принципов Суда ЕС, на этом основании можно утверждать, что принцип уважения и строгого соблюдения норм международного права также представляет собой вдохновляющий принцип в отношении внутреннего правового порядка ЕС. Международное право является неотъемлемой частью законодательства ЕС, и, если это не противоречит учредительным договорам, оно преобладает над внутренним законодательством. Подводя итог своим суждениям, профессор Э. Каннизаро пишет, что «судебная практика ЕС постепенно превратилась во что-то очень напоминающее полноценную правовую доктрину, то есть неомонизм» [12].

Теорию троизма во взаимодействии международного и национального права развивает профессор Р. А. Вессель. Он предлагает рассматривать вопрос о взаимодействии международного и европейского правового порядка с точки зрения иного понятийного аппарата: это «конституционализм», предтечей которого является монизм, и «плюрализм», который исходит из дуализма [13]. Ученый приводит следующие аргументы: несмотря на, во-первых, отсутствие четкого положения в учредительных договорах ЕС и, во-вторых, на «автономию нового правового порядка» в раннем прецедентном праве, правовой порядок ЕС обозначен как монистический по отношению к международному публичному праву [14]. Действительно, у ЕС нет затруднений, чтобы взять на себя обязательства по международному праву и стать частью его правовой системы. Ученый Т. Данн назвал это «хорошим международным гражданством» ЕС [15, р. 13]. Троизм определен как «сложная взаимосвязь между ЕС и международным публичным правом» [16, р. 181], теория исследует противоречия между принципами «автономии» и «рецепции». Эти противоречия обуславливают сложную связь европейского и международного права [17, р. 10]. Это означает, что для государств-членов ЕС классическое «двойное правоотношение международного права / национального законодательства» постепенно заменяется новыми трехсторонними отношениями – *международное право – право ЕС / национальное законодательство*, и что



субъекты – «это уже не только государства-члены ЕС, а национальные правовые системы, которые определяют, каким образом решения международных организаций могут быть реализованы и какой правовой статус они получают в своем внутреннем праве, а европейский правовой порядок, в свою очередь, заменит эту функцию национального правового порядка» [18].

### Заключение

Проанализировав характер взаимосвязи и взаимодействия международного и внутригосударственного права, можем сделать следующие выводы.

Выделяют две классические концепции: монизм и дуализм. По справедливому замечанию В. В. Гаврилова, во второй половине XX в. многие сторонники дуалистической и монистической теорий фактически подошли к единому пониманию проблемы соотношения международного и внутригосударственного права как двух разнопорядковых, но тесно взаимодействующих и определенным образом соотносящихся между собой правовых конструкций. Обе эти концепции в их современной интерпретации признают возможность и необходимость взаимодействия международного и внутригосударственного права как самостоятельных систем в процессе регулирования неуклонно расширяющегося круга общественных отношений. В этих условиях наибольшую актуальность и практическую значимость приобретает задача определения основных параметров механизма такого взаимодействия, потому как в отношении этого вопроса и в международно-правовой доктрине, и в рамках юридической практики все еще сохраняются значительные расхождения во взглядах [19].

Классический монизм основывается на единстве правопорядков и иерархии источников права. ЕС выбрал монистический подход, согласно которому европейское право и национальное являются интегрированными друг в друга и составляют единое целое.

Четкая делимитация между международным и внутренним законодательством слабеет, и подходы двух основных школ становятся более градационными. На практике ни одна из этих двух основных теорий не применяется в чистом виде, поскольку государствами и ЕС были введены элементы гибкости как в монистический, так и в дуалистический подход [1], в практике государств существуют вариативные промежуточные состояния, объединенные элементами основных двух теорий. В реальности большинство стран мира занимают в некотором смысле промежуточную позицию, признавая непосредственное действие международных норм лишь при определенных условиях, зафиксированных национальным правом. Степень монистичности или дуалистичности разных стран неодинакова,

поэтому, несмотря на удобство подобных дефиниций с методологической точки зрения, попытки провести четкие границы между монистичными и дуалистичными государствами сталкиваются с серьезными затруднениями и результат, по существу, зависит от воззрений конкретного исследователя данной проблемы [20, с. 70].

Европейское право устанавливает концепцию монизма и требует его соблюдения для всех государств-членов ЕС, поскольку монизм исходит из самой природы унификации и интеграции. Правовая система ЕС действует по принципу прямого действия норм европейского публичного права в национальном законодательстве, поскольку нет необходимости имплементации. Принцип непосредственной применимости (прямого действия) означает автоматическую интеграцию норм европейского публичного права в национальный правопорядок [10]. Согласно первичному праву ЕС в национальное законодательство должны «немедленно применяться» следующие акты:

- 1) положения учредительных договоров;
- 2) международные соглашения, в которых содержатся четкие и точные организационно-правовые механизмы по их реализации;
- 3) директивы.

Суд ЕС неоднократно подчеркивал, что право ЕС имеет верховенство по отношению к праву государств-членов, непосредственно действует в их правовых системах, порождает права и обязанности для частных лиц, которые могут ссылаться на него в национальных судах. При этом национальные суды не могут отказать применять право ЕС, даже если оно противоречит национальным правовым актам, принятым позднее соответствующих положений права ЕС. Таким образом, по мнению Д. Янчича, дух дуализма между европейским публичным правом и национальным законодательством по-прежнему ощутим [9]. Профессор Д. Янчич заметил, что сам ЕС по решению Кади в 2008 г. демонстрирует пример дуализма по отношению к международному праву, когда Суд ЕС отстранился от норм ООН.

Несмотря на фундаментальное значение теорий монизма и дуализма в области международного права, в практической сфере они утратили смысл в правовой системе ЕС. Профессор Д. Янчич приходит к выводу о том, что правовая система ЕС является преимущественно монистической с сохранением дуалистических пережитков [9].

Более радикальную позицию высказывает приверженец международного конституционного права профессор А. фон Богданди: «Монизм и дуализм должны перестать существовать как доктринальные и теоретические понятия для обсуждения взаимоотношений между международным правом и внутренним правом.

Возможно, они могут по-прежнему быть полезными в исследовании более открытого или более нерешительного политического настроения в отношении международного права. Но для научной перспективы они являются интеллектуальными зомби и должны быть отправлены на отдых, или реконструированы» [21]. Ученый предлагает заменить нормативный универсум и научные доктрины, например, доктрину прямого действия понятием балансирования конституционных принципов. В соответствии с новым пониманием взаимоотношения европейского права и международного публичного права будут основываться на балансировании конституционных принципов, а не на иерархии между правопорядками [21].

Дискурс относительно монизма и дуализма считается многими учеными устаревшим, а сами теории – не отражающими реальности. Но несмотря на это, анализ российской и зарубежной доктрины показал обратное. Объяснение очевидно: именно данные теории продолжают оставаться основными источниками, формирующими позицию государств по вопросу применения международного права в их правовых системах. Мы приходим к выводу о том, что теории в чистом виде практически не используются, но научные споры благодаря предложенным альтернативам приводят к компромиссам и подготавливают почву для эклектического правового регулирования [22]. Теории в юридической доктрине не являются самоцелью, их задача заключается в предвидении практических проблем и определении возможных путей разрешения ситуаций.

### Литература

1. Marian V. The Dualist and Monist Theories. International Laws Comprehension of these theories // Curentul Juridic (Serie novă). Режим доступа: [http://revcurentjur.ro/old/arhiva/attachments\\_200712/recjurid071\\_22F.pdf](http://revcurentjur.ro/old/arhiva/attachments_200712/recjurid071_22F.pdf) (дата обращения: 18.04.2018).
2. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Правовая система Европейского союза. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 704 с.
3. Fuerea A. Drept comunitar european. Partea generala. Editura All Beck, Bucuresti, 2003. 312 p.
4. Berramdane A. La hiérarchie des droits: droits internes et droits européen et international. Editions L'Harmattan, 2002. 276 p.
5. Brownlie I. Principles of public international law. 7th ed. N.-Y.: Oxford University Press, 2008. 784 p.
6. Kelsen H. Principles of International Law. N-Y.: Publishing House Rinehart, 1952. 461p.
7. Барбук А. Соотношение международного и внутригосударственного права: теоретические аспекты // Журнал международного права и международных отношений. 2005. № 1. С. 3–12.
8. The Effect of Treaties in Domestic Law / eds. F. Jacobs., S. Roberts. L.: Sweet & Maxwell, 1997. Vol. 7. 288 p.
9. Jancic D. Recasting monism and dualism in European parliamentary law: The Lisbon treaty in Britain and France. 2013. Режим доступа: [http://eprints.lse.ac.uk/51484/1/Jancic\\_Recasting\\_monism\\_dualism\\_2013.pdf](http://eprints.lse.ac.uk/51484/1/Jancic_Recasting_monism_dualism_2013.pdf) (дата обращения: 18.04.2018).
10. Ciongaru E. The Monistic and the Dualistic Theory in European Law // Acta Universitatis George Bacovia. Juridica. 2012. Vol. 1. Iss. 1. P. 212–231. Режим доступа: [http://www.ugb.ro/Juridica/Issue1EN/10\\_Teoria\\_monista\\_si\\_dualista\\_in\\_dreptul\\_europeanCiongaruEN.pdf](http://www.ugb.ro/Juridica/Issue1EN/10_Teoria_monista_si_dualista_in_dreptul_europeanCiongaruEN.pdf) (дата обращения: 18.04.2018).
11. Толстых В. Л. Очерк современного состояния российской доктрины международного права // Международное экономическое право. 2016. № 2. С. 3–11.
12. Cannizzaro E. The neo-monism of the European legal order // Cannizzaro E., Palchetti P., Wessel R. A. (eds). International Law as Law of the European Union. Martinus Nijhoff Publishers, 2012. Режим доступа:

Необходимо согласиться с мнением профессора Р. А. Весселя о том, что споры о взаимосвязи между международным публичным правом и европейским правом переходят от системного к более содержательному подходу. Независимо от предпочтения в выборе классических либо из новых «альтернативных подходов» это, как пишет автор, здоровая фаза развития любых отношений [13].

Мы можем согласиться с мнением о том, что на сегодняшний день доминирующим становится дуалистический подход [2, с. 147], в том числе его вариации, с позиции взаимодействия как международного публичного права и внутригосударственного, так и международного и европейского публичного права.

В свою очередь, во взаимодействии европейского публичного права и национального права государств-членов реализуется умеренный монистический подход. В России данную концепцию с позиции интегративного понимания права успешно развивает научная школа профессора В. В. Ершова [23, с. 179].

Монистическая и дуалистическая теории проверены временем, но на современном этапе требуют реновации по причине изменений, вызванных мировой глобализацией, которые все больше сближают международное и национальное право, стирают между ними существовавшие ранее границы. Происходит конвергенция международного права в европейское публичное право и наоборот.

[https://www.researchgate.net/publication/294559989\\_The\\_neo-monism\\_of\\_the\\_European\\_legal\\_order](https://www.researchgate.net/publication/294559989_The_neo-monism_of_the_European_legal_order) (дата обращения: 18.04.2018).

13. Wessel R. A. Reconsidering the relationship between international and EU law: towards a content-based approach? // *International law as law of the European Union* / eds. E. Cannizzaro, P. Palchetti, R. A. Wessel. Leiden / Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2011. P. 7–33.

14. Pescatore P. Die Rechtsprechung des Europäischen Gerichtshofs zur gemeinschaftlichen Wirkung völkerrechtlicher Abkommen, in *Festschrift für H. Mosler. Völkerrecht als Rechtsordnung, internationale Gerichtsbarkeit Menschenrechte*, Berlin, 1983. 680 p.

15. Dunne T. Good Citizen Europe // *International Affairs*. 2008. Vol. 84. No. 1. P. 13–28.

16. Timmermans C. The EU and Public International Law // *European Foreign Affairs Review*, 1999. P. 181–194.

17. Wouters J., Nollkaemper A., Wet E. de. The Europeanisation of International Law. The Status of International Law in the EU and its Member States. The Hague, 2008. 260 p.

18. Lavranos N. Legal Interaction Between decision of international organizations and European law. L., 2004. 227 p.

19. *Международное право. Общая часть* / отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. М.: Статут, 2011. 543 с.

20. Будылин С. В. Конвенция или Конституция? *Международное право и пределы государственного суверенитета* // *Закон*. 2013. № 12. С. 64–80.

21. Bogdandy A. von. Pluralism, direct effect, and the ultimate say: on the relationship between international and domestic constitutional law // *International Journal of Constitutional Law*. 2008. Vol. 6. No. 3–4. P. 397–413.

22. Залоило М. В., Черкашина-Шмидт О. В. Интегративное понимание: новый подход // *Журнал российского права*. 2014. № 4. С. 143–147.

23. Ершов В. В. *Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений*. М.: РГУП, 2018. 628 с.

---

## ALTERNATIVE DOCTRINES OF THE CORRELATION OF EUROPEAN PUBLIC LAW AND INTERNATIONAL LAW

*Ekaterina Y. Marukhno*<sup>a, @, ID</sup>

<sup>a</sup> *Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, 49, Oktyabrsky Ave., Novokuznetsk, Russia, 654006*

@ *katja-marukhno@yandex.ru*

<sup>ID</sup> *http://www.researcherid.com/rid/Y-7517-2018*

*Received 03.05.2018. Accepted 31.08.2018.*

**Keywords:** European legal order, European Court of Justice, integration, dualistic theory, monistic theory, theory of neo-monism

**Abstract:** The research contains a comprehensive study of doctrinal approaches to the correlation of international public and European public law, based on a multilevel, non-linear law. The paper features the role of positivism in the development of Public International law and European Public law and their modern versions, which were caused by globalization and European integration. The author reviews various domestic and foreign works in the field of European law. The study employs methods of systematic, comparative legal, and logical analysis. The author analyzes the theoretical basis for the specific ways and conditions of integration international law to European legal order. The author believes that the optimal theory of the correlation between international and European law should be based on the concept of integrative legal understanding. The research results can be used as a methodological basis for further studies of international and European law.

**For citation:** Marukhno E. Yu. Al'ternativnye doktriny sootnosheniia evropeiskogo publichnogo prava i mezhdunarodnogo prava [Alternatives Doctrines of the Correlation of European Public Law and International Law]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4 (2018): 76–83.

## References

1. Marian B. The Dualist and Monist Theories. International Laws Comprehension of these theories. *Curentul Juridic (Serie novă)*. Available at: [http://revcurentjur.ro/old/arhiva/attachments\\_200712/recjurid071\\_22F.pdf](http://revcurentjur.ro/old/arhiva/attachments_200712/recjurid071_22F.pdf) (accessed 18.04.2018).
2. Marchenko M. N., Deriabina E. M. *Pravovaia sistema Evropeiskogo soiuz* [Legal System of the European Union]. Moscow: Norma, Infra-M, 2012, 704.
3. Fuerea A. *Drept comunitar european. Partea generala*. Editura All Beck, Bucuresti, 2003, 312.
4. Berramdane A. *La hiérarchie des droits: droits internes et droits européen et international*. Editions L'Harmattan, 2002, 276.
5. Brownlie I. *Principles of public international law*. 7th ed. N.-Y.: Oxford University Press, 2008, 784.
6. Kelsen H. *Principles of International Law*. N-Y.: Publishing House Rinehart, 1952, 461.
7. Barbuk A. Sootnoshenie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava: teoreticheskie aspekty [Correlation of international and domestic law: theoretical aspects]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii = Journal of international law and international relations*, no. 1 (2005): 3–12.
8. *The Effect of Treaties in Domestic Law*. Eds. F. Jacobs., S. Roberts. L.: Sweet & Maxwell, vol. 7 (1997): 288.
9. Jancic D. *Recasting monism and dualism in European parliamentary law: The Lisbon treaty in Britain and France*. 2013. Available at: [http://eprints.lse.ac.uk/51484/1/Jancic\\_Recasting\\_monism\\_dualism\\_2013.pdf](http://eprints.lse.ac.uk/51484/1/Jancic_Recasting_monism_dualism_2013.pdf) (accessed 18.04.2018).
10. Ciongaru E. The monistic and the dualistic theory in European law. *Acta Universitatis George Bacovia. Juridica*, 1, no 1 (2012): 212–231. Available at: [http://www.ugb.ro/Juridica/Issue1EN/10\\_Teoria\\_monista\\_si\\_dualista\\_in\\_dreptul\\_europeanCiongaruEN.pdf](http://www.ugb.ro/Juridica/Issue1EN/10_Teoria_monista_si_dualista_in_dreptul_europeanCiongaruEN.pdf) (accessed 18.04.2018).
11. Tolstykh V. L. Ocherk sovremennogo sostoianiiia rossiiskoi doktriny mezhdunarodnogo prava [Essay on the current state of the Russian doctrine of international law]. *Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo = International Economic Law*, no. 2 (2016): 3–11.
12. Cannizzaro E. The neo-monism of the European legal order. Cannizzaro E., Palchetti P., Wessel R. A. (eds). *International Law as Law of the European Union*. Martinus Nijhoff Publishers, 2012. Available at: [https://www.researchgate.net/publication/294559989\\_The\\_neo-monism\\_of\\_the\\_European\\_legal\\_order](https://www.researchgate.net/publication/294559989_The_neo-monism_of_the_European_legal_order) (accessed 18.04.2018).
13. Wessel R. A. Reconsidering the relationship between international and EU law: towards a content-based approach? *International law as law of the European Union*. Eds. Cannizzaro E., Palchetti P., Wessel R. A. Leiden. Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2011, 7–33.
14. Pescatore P. *Die Rechtsprechung des Europäischen Gerichtshofs zur gemeinschaftlichen Wirkung völkerrechtlicher Abkommen, in Festschrift für H. Mosler. Völkerrecht als Rechtsordnung, internationale Gerichtsbarkeit Menschenrechte*. Berlin, 1983, 680.
15. Dunne T. Good Citizen Europe. *International Affairs*, 84, no. 1 (2008): 13–28.
16. Timmermans C. The EU and Public International Law. *European Foreign Affairs Review*, (1999): 181–194.
17. Wouters J., Nollkaemper A., Wet E. de. *The Europeanisation of International Law. The Status of International Law in the EU and its Member States*. The Hague, 2008. 260 p.
18. Lavranos N. *Legal Interaction Between decision of international organizations and European law*. L., 2004, 227.
19. *Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaia chast'* [International law. A common part]. Moscow: Statut, 2011, 543.
20. Budylin S. V. Konventsii ili Konstitutsiia? *Mezhdunarodnoe pravo i predely gosudarstvennogo suvereniteta [Convention or Constitution? International Law and the Limits of State Sovereignty]*. *Zakon = Law*, no. 12 (2013): 64–80.
21. Bogdandy A. von. Pluralism, direct effect, and the ultimate say: on the relationship between international and domestic constitutional law. *International Journal of Constitutional Law*, 6, no. 3-4 (2008): 397–413.
22. Zaloilo M. V., Cherkashina-Shmidt O. V. Integrativnoe ponimanie: novyi podkhod [Integrative Understanding: New Approach]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 4 (2014): 143–147.
23. Ershov V. V. *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii* [Legal and individual regulation of public relations]. Moscow: RGUP, 2018, 628.